

В.С. Малахов

Комментарии прозвучали, хочется на все отреагировать, но на все отреагировать невозможно. Поэтому я сосредоточусь на одном пункте – это критика методологического национализма. И это мне настолько близко, что я даже несколько месяцев выступал с подобной критикой на одной конференции здесь в Москве. Ольга не даст соврать – она там была. И, выступая с этой критикой я, разумеется, делал эксплицитную отсылку к Ульриху Беку.

Но сейчас мне хотелось бы выступить «адвокатом дьявола» и покритиковать саму эту критику, посмотреть на нее со стороны.

Давайте открутим мысленно назад пленку и вспомним, когда сам этот запрос – запрос на новую эпистемологию – возник. Он возник где-то в 90-е. Естественно, не без влияния знаменитой статьи и, позднее, публичной лекции Юргена Хабермаса о «постнациональной констелляции», на фоне констатации неизбежности того процесса, который именуют «глобализацией».

С одной стороны, речь идет о смещении локуса власти с национального уровня на наднациональный, с другой – о культурной дифференциации обществ изнутри. Первое – это, так сказать, «экстернальная» перспектива, второе – перспектива «интернальная». В «экстернальной» перспективе фиксируется снижение эффективности государств, *shrinking sovereignty* – сужение суверенитета; в «интернальной» – ослабление легитимности государства из-за культурной плюрализации общества.

Именно на этом фоне возникло множество работ. В том числе классическая статья Ульриха Бека 2000 года в *British Journal Sociology*. Но любопытно, что как раз в тот момент, когда поток такой литературы стал приобретать лавинообразный характер, пошли процессы, которые стали указывать в прямо противоположную сторону.

Я имею в виду прежде всего так называемый экономический национализм. Он наметился очень сильно приблизительно к 2002 году. Все

началось, по-моему, с повышения ввозных пошлин на сталь в США в первую каденцию Буша-младшего. А потом было огромное количество случаев, когда отдельные государства в Европе блокировали поглощение своих стратегических отраслей транснациональными корпорациями. Причем капитал в этих ТНК был европейский, скажем немецкий. Французы, как только немцы хотели у них купить ключевые предприятия в газовой отрасли, тут же объединили ЭОН и Gaz de France и создали свою госкорпорацию. Не отдали свою стратегическую отрасль. И то же самое происходило повсюду на том самом Западе, который в 90-е объявил о триумфальном шествии глобализации.

И сегодня видим, сколь велика роль национальных эгоизмов. В мировой политике в частности (о чем говорил Федор Лукьянов). Словом, стало абсолютно очевидно, что то самое nation state, которому вроде бы предрекали уход с исторической сцены, заявляет о себе как не просто ключевой автор, а как базовая, фундаментальная – и, похоже, на сегодняшний день безальтернативная – форма социальной организации.

Но я подозреваю, что подобные спекуляции у Ульриха Бека ничего, кроме досады, не вызывают. Наверное, он уже устал от такого рода возражений, поскольку он не об этом говорит. Он говорит о смене парадигмы. Он ставит вопрос даже не в теоретико-социологической, а в философской плоскости. Ведь терминология, которую он выбрал, она не социологическая. В социологии говорят о «постнационализме», о «постнациональном государстве», а он говорит о «космополитизме». И это отсылает нас, по меньшей мере, к Канту с его мечтой о возможности помыслить человеческую историю во всемирно-гражданском плане.

И хотя я и не обладаю способностью так высоко парить в абстракции, попробую на этом уровне абстракции как-то задержаться и поразмышлять вместе с Ульрихом Бекем о возможности преодоления методологического национализма. Ведь именно это ключевой вопрос его выступления. То, во что все упирается в его докладе, – это возможность смены оптики,

возможность отказаться от такого взгляда на мир, при котором нация-государство выступает как нечто само собой разумеющееся.

Вопрос: а возможен ли такой отказ в принципе? Выполнима ли миссия? Особенно если учесть, что фактически все корифеи социальной мысли – от Макса Вебера (уже один раз здесь упомянутого) и Эмиля Дюркгейма до Парсонса и Лумана – исходили именно из этой теоретической рамки. Все они рассуждали «нациоцентрично».

Но я сказал – почти все, поскольку было одно исключение. Это исключение – Маркс. В перспективе Маркса проблем с методологическим национализмом вообще не возникает, поскольку его теоретическая рамка – капитализм. А капитализм по определению – феномен всемирный, глобальный.

И тогда у меня вопрос к Ульриху Беку: а можно ли всерьез надеяться на преодоление этой парадигмы – я имею в виду методологический национализм, – если не двигаться в русле, которое проложил Маркс?

Это один сюжет, который я бы хотел затронуть.

Второй сюжет вот какой. Хотя это прозвучит немножечко похулигански – о национальных контекстах проблематизации методологического национализма. Если хотите – о национальной почве, на которой может возникнуть – или, напротив, *не может* возникнуть – критическая рефлексия по поводу методологического национализма. И вы вправе счесть мой вопрос за шутку, но я все-таки его задам. А совсем ли случайно то, что ключевыми протагонистами космополитической идеи оказались мыслители немецкого происхождения? И Хабермас, и Бек, и Нина Глик Шиллер. Правда, Андреас Виммер австриец, но это близко.

А если серьезно, то меня беспокоит, почему на российской почве космополитические идеи вообще не генерируются. В нашем академическом дискурсе космополиты – полные маргиналы, а в публичном дискурсе космополитизм – это просто табу, запрещенный ход мысли.

Наша повестка дня – это, действительно, в лучшем случае *идеологический* национализм. И даже с его критикой у нас большие проблемы, как Эмиль Паин отметил. Доминирующий тренд в наших дискуссиях, мне кажется, был задан Александром Исаевичем Солженицыным в начале 90-х годов, когда он сказал, что наконец-то, после того как мы освободились от империи, у нас появился шанс построить нацию-государство, в этнокультурном смысле слова «нация».

Мне это кажется ретроградным и архаичным ходом мысли, особенно на фоне того, что Россия в последние годы превратилась во второй в мире центр миграционной системы. В США – 38 млн, у нас 12 млн мигрантов.

Так вот. Как у нас смотрят на выходцев из бывшего СССР? Через национацентричные очки. Де, давайте границы оборудуем, давайте визы введем, давайте от них потребуем того и того. Никакого имперского великодушия совершенно не просматривается. Имперское сознание – конечно, не космополитическое, но оно все-таки шаг на пути к преодолению этнических партикуляризов.

И это меня выводит на третий сюжет: о влиянии методологического национализма на видение феномена миграции.

Мы на этот феномен смотрим как на нечто аномальное, поскольку исходим из того, что оседлость – это норма. Пребывание в границах какого-либо nation state (национального государства) – это нормальное явление, а пересечение границ – это нечто аномальное, нарушение нормы.

Отсюда – восприятие миграции как угрозы. Это угроза суверенитету, поскольку мигранты по определению – агенты другого суверена, представители какой-то другой суверенной политической единицы на нашей территории. Это угроза безопасности – по причине того, что, как мы считаем, приезжие априори нелояльны нашему государству, поскольку лояльны государству их происхождения. И, конечно же, это угроза культурной целостности, культурной когерентности, связности наций, ибо

предполагается, что нация – это именно сплоченность, культурное единство, целостность и т. д.

С последним допущением коррелирует одержимость ассимиляцией, которая так характерна для нашего публичного дискурса. Хотя для этого и употребляется более политкорректное слово – «интеграция», но от смены слов ничего не меняется, поскольку от мигрантов ожидают растворения в воображаемом национальном теле.

Мне, однако, кажется, что мы совершенно не замечаем проблематичности этого понятия – «интеграция». Во что новоприбывшие должны интегрироваться? А является ли интегрированным целым то общество, в которое, как предполагается, мигранты должны интегрироваться? Бездумно употребляя это слово, мы представляем взаимодействие людей – новоприбывших и, условно, местных – как взаимодействие двух сущностей. Принимающего сообщества как культурной сущности, с одной стороны, и мигрантских сообществ («диаспор») – с другой стороны. Как если бы каждая из этих «сущностей» не была расколота по множеству признаков: социально-классовому, идеологическому, гендерному, возрастному и т. д.

На мой взгляд, подход, который предлагает Ульрих Бек, сколь бы он ни был уязвим для критики, имеет, по крайней мере, одно несомненное достоинство. Он позволяет перетряхнуть тот застарелый инструментарий, которым мы мыслим феномен миграции.